

*Посвящаю тем, кто выбирает Жизнь и все,
что к ней прилагается.*

*«Если живешь, значит нужно просто жить.
А в остальном – все зависит от тебя самого.
Ведь это твоя жизнь».*

Случайный Ангел в белом халате

ПРОЛОГ

13 сентября 1999 года

Я летел...

«Я летел» – привычное словосочетание, рожденное рядовым для миллионов людей событием. Для миллионов, но не для меня. Со мной все обстоит по-другому и банальные фразы, подобные этой, всегда оказываются переполненными массой неожиданных, но чаще всего неприятных ощущений.

Итак, «я летел» – перемещался в пространстве посредством самолета «Аэрофлота» по маршруту «Москва–Сиэтл». Все одиннадцать часов полета я намеревался притворяться спящим. Хотя никогда не могу уснуть ни в дороге, ни в гостях. Вот и этот полет в Америку обещал мне изматывающую многочасовую бессонницу.

Я лежал в своей коляске, крепко прикрученный к ней ремнями безопасности. Лежал, закрыв глаза, слушал равномерный

ватный гул двигателей и представлял, как через некоторое время встречу с друзьями — Пашей и Лидой, с которыми не виделся уже семь лет. Я прикидывал, что будет нужно сделать в первую очередь, после возвращения домой. Придется вновь искать работу, потому что вряд ли за те два месяца, что я проведу в Штатах, за мной сохранится рабочее место. Точнее, не одно, а три, поскольку я умудрялся работать сразу в нескольких организациях, годами не вылезая из своей однокомнатной квартиры. Я пытался придумать, какие, хотя бы маленькие, подарки и кому я должен привезти из этой поездки за океан.

— Вам что-нибудь нужно?

Вопрос прозвучал неожиданно: я летел один и настроился на полную самоизоляцию. Было немного тревожно, и желание общаться с кем-либо отсутствовало напрочь.

Еще при посадке, когда друзья занесли коляску со мной в самолет и укрепили ее между перегородкой и креслами, меня спросили о сопровождающих. Узнав, что я лечу один, старшая стюардесса на мгновение опешила и наградила меня недоуменным взглядом, в котором явственно прочитывалось: «А как же вы будете если?..»

— Не переживайте, все будет нормально. Мне ничего не понадобится, и я вас не побеспокою, но, — я изобразил бодренькую улыбку. — Вы только помогите мне, пожалуйста, по прибытии в Сиэтл. В аэропорту меня должны встречать друзья. Мне бы их только найти...

— Конечно, вам обязательно помогут.

Она казалась вежливой и предупредительной, но в широко распахнутых глазах отсвечивало охватившее стюардессу смятение. Девушка не понимала, как это так, со мной нет сопровождающих? А вдруг «что-то»? Что тогда со мной делать? С какого

боку подступиться? Как может человек в таком беспомощном состоянии путешествовать один? Да что там путешествовать? Как он ТАКОЙ, вообще, жить-то может?

Всматриваясь в растерянное лицо бортпроводницы, я сам начал теряться: а вдруг «Аэрофлот» ввел какие-нибудь новые, неизвестные мне правила относительно перевозки «нестандартных людей», и меня в последний момент ссадят и уже не впустят в самолет без сопровождающего, который моим сценарием не предусматривался? Я, как мог, успокаивал и себя, и стюардессу, вкладывая в свой голос максимум уверенности, беззаботности и нахальства, на которые в тот момент был способен. В конце концов, я не представляю никакой опасности для окружающих, не являюсь животным. Билет куплен мной вполне законно, на деньги, собранные моими друзьями — близкими и незнакомыми, узнавшими о моих проблемах через форум партии «Яблоко». Я имею право путешествовать самостоятельно. Устроившись в салоне, я закрыл глаза. Пусть думают, что я безмятежно сплю и, следовательно, ни в чем не нуждаюсь. Однако персонал авиалайнера так не считал.

— Вам что-нибудь нужно? — вопрос прозвучал вторично, и я решил, что, пожалуй, следует «проснуться».

Рядом стояла девушка в голубой униформе. Она улыбалась, а в глазах — то же самое тревожное недоумение. Окажись мы в иной обстановке, я бы не упустил возможности пообщаться подольше, однако вокруг сидели пассажиры и смотрели, смотрели... Любопытные взгляды некоторых я ощущал даже сквозь свой «очень глубокий сон».

— Нет, спасибо! Все нормально.

— Хорошо! Если что-то потребуется, позовите меня. Я все время буду здесь неподалеку.

– Спасибо.

Она пошла дальше, унося свое вежливое испуганное лицо. Здесь, как и повсюду, от меня не ждали ничего, кроме неприятностей и проблем. Я не убедил стюардесс. Впрочем, у меня и не было такой задачи. Я не собирался никому объяснять, что, готовясь к полету, не ел уже более двадцати четырех часов и не пил часов восемь, не меньше. Потому как знал: если в полете у меня возникнет потребность облегчить организм, то помочь в этом деликатном вопросе никто не сможет. А даже и окажись рядом друг, что это изменит? Ну не станем же мы устраивать физиологическое шоу на глазах у ошарашенных пассажиров? А тащить в самолетную уборную мою неуклюжую коляску – вариант совсем скверный – задействовать придется весь салон. Так что оставалось только уповать на воздержание, причем во всех его формах. Я уже, правда, немного созрел для туалета и сильно хотел пить, но полет длится всего одиннадцать часов, ну еще плюс часа полтора-два на взлет и посадку. Нужно просто немного подождать и потерпеть. Я умею и то и другое. Времени и возможностей научиться этому, у меня было предостаточно. В общем, все шло нормально.

Я вновь закрыл глаза. Хотелось со смыслом провести эти неизбежные часы пребывания в самолете. Читать я не мог, во-первых, у меня ничего подходящего не оказалось. Я летел один, а потому взял только самое необходимое. Я даже отказался захватить посылки для Паши и Лиды. А во-вторых, в моей коляске не то, что читать, просто лежать было неудобно. Мне оставалось только одно – вспоминать и размышлять.

Для этого сейчас был самый подходящий момент.

Странно у меня все сложилось. По прогнозам врачей я должен был умереть много лет назад. Не умер. Что-то не сработало.

Обреченный на неподвижность, на вечную зависимость от кого-то, на скуку и одинокое беспомощное умирание в каком-нибудь забытом Богом и государством доме призрения я, тем не менее, сам, без сопровождающих, летел на высоте десяти тысяч метров через океан к друзьям, живущим на другом континенте...

Опять что-то «не сработало»? Или наоборот, сработало «вопреки»? А для чего?

Было о чем поразмыслить.

И пока я перемещался в пространстве, память унесла меня в прошлое...

Воспоминание первое

Постижение

Osteogenesis imperfecta

Родился я в 1965 году во Владивостоке, и города этого, и того периода своей жизни не помню совсем. Мой папа был моряком — китобоем, и в момент моего появления на свет находился за тысячи миль от дома.

Он очень ждал сына. Когда ему там, на корабле, сообщили о моем рождении, то радости его не было предела, и, надо полагать, не было предела горячительным возлияниям. Как же иначе? Наследник родился! Если бы он только знал, что это за «наследник» и что произойдет дальше.

Проблемы начались через несколько месяцев. Мама заворачивала меня в пеленки и вдруг услышала истошный крик. Орал я сильно, и что самое странное, не переставая. После того как меня отвезли в больницу, выяснилось: сломана ножка.

Там же, в больнице, был поставлен диагноз — osteogenesis imperfecta, так это красиво звучит по-латыни, а по-русски — «несовершенный остеогенез», «несовершенное костеобразование».

Мой первый перелом — мой первый диагноз. Он же приговор, из которого следовало, что я перестану расти, а мои кости станут ломаться от малейшего резкого движения, малейшей нагрузки.

Ломаться будет все: ноги, руки, ребра. Переломы станут исчисляться десятками, сотнями... Они станут моими пожизненными спутниками. Они продолжают и сейчас. Я уже как бы не обращаю внимания на них. В момент перелома – очень больно. Потом надо некоторое время лежать. Тихо, как испуганная мышка. Не шевелиться или шевелиться очень осторожно.

Вообще, это немного несправедливо: темперамент, данный мне с рождения, был облачен в такую хрупкую оболочку! Большая часть моих переломов – это переломы, произошедшие по моей собственной «вине». В моменты радости я часто совершаю движения, которые мне категорически противопоказаны. Да и не только в моменты радости. Оказалось, что ребенок с такими «хрустальными» костями не мог вести себя спокойно в принципе. Даже когда он лежал замурованный в гипс по самую шею.

Мои родные долгое время жили надеждой. Мама лежала со мной в больницах, бабушка таскала меня по городам и весям Советского Союза, едва заслышав, что где-то чудотворит очередной кудесник-лекарь с неизвестным доселе лекарством или методом лечения. Так в 1967 году я побывал в Ташкенте, в клинике профессора Шакирова. Он был первым, кто в свое время описал препарат «мумие» и начал его клиническое применение. Лечение оказалось очень дорогим, но мои родные тогда были готовы пойти на все.

* * *

Бабушку – маму моего папы – звали Елена Антоновна. Ее отец, мой прадед, был «чистопородный немец», как о нем говорила сама бабушка – Отто Шпунк. Еще в девятнадцатом веке он иммигриро-

вал из Германии в царскую Россию в поисках лучшей жизни. Герр Шпунк хотел обеспечить безбедное существование себе и своей большой семье, которую планировал создать на российском Дальнем Востоке. Здесь прадед встретил свою любовь, православную девушку Екатерину. Они поженились, а немного позже решивший окончательно «обрусеть» германец принял православие. Таким образом «чистопородный немец» Отто стал русским Антоном. Первая их дочь родилась еще до того, как он крестился. Ее назвали Валентиной, Валентиной Оттовной. Вторую дочь назвали Еленой, Еленой Антоновной. Так что, родные сестры, имея одних родителей, носили тем не менее разные отчества.

В семье Шпунков рождались еще дети, но выжили только бабушка, ее сестра и мальчик Геннадий. О своем брате бабушка рассказывала очень неохотно, ограничиваясь буквально одной фразой: «Ушел на фронт и сгинул где-то, в самом начале той страшной войны».

Моя милая, любимая бабушка Елена Антоновна, именно она взвалила на себя всю тяжесть забот о больном внуке, когда родители приняли как неизбежное, что лечить мою болезнь невозможно. Понимание этого приходило долго. С появлением очередной газетной статьи о новом «чудодейственном» лекарстве, рождалась новая надежда, с ней являлись бессонные ночи, затем неизбежно наступало разочарование. А я продолжал «ломаться».

* * *

Дедушка мой, мамин папа Андрей Аврамович, жил тогда в Астрахани. Родные надеялись, что смена климата сможет улучшить мое состояние. Да и дедушка тянул всех к себе. И мы из

влажного Приморья переехали в засушливые и ветреные приволжские степи. Точнее мама с папой остались во Владивостоке, а меня привезли в Астрахань, невыносимо жаркий летом и замерзающий зимой город, ставший моей второй родиной.

Я был отправлен под присмотр бабушки Ани – маминой мамы. Медик по образованию, она и присматривать за мной взялась как профессионал. Присмотр заключался в том, чтобы своевременно отслеживать мои переломы. Обнаружив очередной, мгновенно «играли тревогу», поломанную ногу или руку замуровывали в гипс и ждали момента срастания. Потом гипс снимали и заставляли меня двигаться, заставляли не бояться. Я двигался, но боялся. Боялся сильно. Каждый перелом был страшно болезненным. А приведение поломанной части тела в нормальное недеформированное состояние, перед тем как накладывался гипс, оказывалось просто мучительным.

Тогда моя жизнь состояла из долгих периодов, когда я лежал в гипсе по самую шею или сидел, разглядывая скованные жесткими повязками руки, и коротких моментов, когда, играя с другими детьми, я чувствовал себя ребенком. Хотя уже начинал смутно догадываться, что я не такой, как остальные дети. Большинство моих воспоминаний того периода можно обозначить четырьмя словами «я играю в одиночестве». Но есть и очень яркие.

...Вот я сижу и кручу руль детской педальной машины. Ее привез мне отец. Тогда это было детским богатством. Одной рукой держу руль и управляю, а второй толкаю заднее колесо. До педальей я не доставал и передвигался таким вот образом.

...Вот я на улице, во дворе, еду вперед, смотрю по сторонам. Раскаленный асфальт. От него пышет жаром и нечем дышать – это астраханское лето, но я сам – САМ! – передвигаюсь без посторонней помощи.

...А вот — песок в песочнице, я что-то делаю в нем, мама...

...Сидя, ползаю по полу — «путешествую» по квартире...

...Сижу дома на стуле, свесив ноги... упал со стула лицом вниз... очень больно. Пол прямо перед глазами. Я смотрю в него и весь напрягаюсь, ожидая, как меня будут поднимать. Потому что за всеми прикосновениями — боль. Так и есть. Очередной перелом ноги, перелом ребра, сломана рука... Гипс. Почти на всем, что только есть у человека. Лежать в гипсе нужно как минимум месяц.

...Помню праздник. Наверное, Первое мая, потому что тепло. Я сижу на дедушкиной шее, стараюсь держаться за его голову крепко, насколько позволяют мои слабые руки. Верхом на бабушке я двигаюсь в большой толпе людей. Вокруг множество флагов и надувных шаров. Это — демонстрация.

...Помню рождение сестренки. Мама рожала ее во Владивостоке. Нам принесли телеграмму с известием, что родилась девочка. Вопрос: «Как назвать?»

— Антончик, ты хочешь, чтобы у тебя была сестренка Вика?

— Нет, не хочу. Вика-фика...

— А как назвать?

— Таню хочу.

Так ее и назвали.

Немногое из событий тех лет сохранила память. Еще — смерть бабы Ани, это впервые коснулось меня. Сначала разговоры на кухне, продолжавшиеся не одну ночь. Потом: «положение тяжелое...», «безнадежное...», «умерла».

Игорь был сыном Эммы Викторовны, которая оказалась рядом с моим дедом Андреем Аврамовичем в те тяжелые для него дни. Позже она стала его женой. Я помню, как Игорь поднял меня вместе со стулом, понес в «зал», как у нас называли гости-